

Постмодернистские скандалы

Еще Владимир Соловьев утверждал, что самоутверждение каждого против всех есть коренное зло нашей природы. К концу второго тысячелетия это стало бедствием ввергающегося в апостасию человечества. Усугубляется самозамкнутость индивидуумов, неудовлетворенная гордыня все более терзает души. Люди мечутся, потому что самоутверждаются, а самоутверждаются, потому что сами не знают, чего им надо. Все это порождает смутное недовольство собою и жизнью; потребность утвердить себя над прочими, хотя бы самыми ближними, растет, принимая порою самые дикие и даже преступные формы. В пространстве торжествующего первородного греха все более искажаются благодатные дары Божии, которые обожествляющий себя человек использует в служении злу и во вред себе.

Об этом предупреждал еще преподобный Иоанн Лествичник: *"Бог не есть ни виновник, ни творец зла. Посему заблуждаются те, которые говорят, что некоторые из страстей естественны душе; они не понимают того, что мы сами природные свойства к добру превратили в страсти. По естеству, например, мы имеем семя для чадородия; а мы употребляем оное на незаконное сладострастие. По естеству есть в нас и гнев, но на древнего оного змия; а мы употребляем оный против ближнего. Нам дана ревность для того, чтобы мы ревновали добродетелям; а мы ревнуем порокам. От естества есть в душе желание славы, но только горней. Естественна и гордиться, но над одними бесами. Подобным образом естественно душе и радоваться, но о Господе и о благих деяниях ближнего. Получили мы и памятозлобие, но только на врагов души нашей. По естеству желаем мы пищи, но для того, чтобы поддерживать жизнь, а не для сластолюбия"*¹.

То же можем сказать мы и о даре, великом даре творчества. Самоутверждающийся человек сумел исказить и этот дар, вследствие чего творчество в конце XX столетия обнаружило в себе многие губительные потенции. Они проявили себя прежде всего в сфере художественной деятельности. Ибо при абсолютизации красоты, при неразличении двойственности ее природы, художник легко впадает в соблазн служения бесовскому началу. И тем самым содействует не просто тяготению человечества ко греху, но погружению его в апостасию, захватившую ныне едва ли не большую часть мира. В искусстве это проявилось в том явлении, которое обозначается ныне термином постмодернизм.

Одно из важнейших проявлений богоотступничества активно насаждается в современной эстетической стихии.

Бог есть единство. Единство есть и идеал человеческого бытия. *"Да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино"* (Ин.17:21). Все бесовские действия направлены на разрушение единства творения и Творца, на дробление, разрыв связей между ними. В хаосе процессов дробления опаснейшим является дробление сознания, ведущее к неспособности воспринимать мир и все жизненные явления в их целостности. В отрыве красоты от истины обнаруживает себя именно раздробленное сознание. Эстетическое совершенство в таком сознании становится главным мерилем достоинства произведения искусства, и волею художника-творца красота закрывает путь к Истине Творца-Вседержителя.

К концу XX века все процессы дробления и противления Истине дошли до крайности. Ложь навязывается как истина - и в том видится подлинная предназначенность искусства как сферы вымысла и фантазии, в системе данных ценностей исключительно для того и существующего. Недвусмысленно выразил это нобелевский лауреат по литературе Камило Хосе Села: *"Истина с большой буквы представляет собой всего лишь ловушку, в которую сама эта Истина со всеми ее ключами, цепями и замками способна поймать всех тех, кто посвятил свою жизнь ее поискам... Но, может быть, необходимо снова задуматься над ницшеанским приговором в контексте, который сам Ницше не стал бы отрицать, - в контексте существования вымысла,*

¹ Преподобного Иоанна Лествица. Сергиев Посад, 1908. С.204.

воображения?"² Искусство превращается, таким образом, в своего рода религию. Измышленная ложь становится на место Истины. И если не забывать, что Истиною в высшем смысле (с большой буквы) мы именуем Христа Спасителя, то свойство искусства-религии осмысливается вполне определенно. *"Иисус сказал им: если бы Бог был Отец ваш, то вы любили бы Меня, потому что Я от Бога исшел и пришел; ибо Я не Сам от Себя пришел, но Он послал Меня. Почему вы не принимаете речи Моей? Потому что не можете слышать слова Моего. Ваш отец диавол, и вы хотите исполнять похоти отца вашего; он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины; когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи. А как Я истину говорю, то не верите Мне"* (Ин.8:42-45).

Процессы, развивающиеся в современном искусстве, есть следствие самообожествления человека, что разглядеть весьма нетрудно. Когда человек утверждает: "Я говорю истину", - и делает ударение на Я, то истина может стать и малосущественной перед напором самоутверждающейся волной фантазии творца. И это сакрализуется обожествлением красоты.

Повторим же еще раз, и настойчиво: красота имеет двойственный, противоречивый характер, она диалектична по природе своей, что отмечал еще Достоевский ("дьявол с Богом борется"). Она помогает душе "коснуться ризы Божества" (С. Булгаков), но, превращенная сознанием художника в самоцель, в некоего идола, красота расслабляет душу, делает ее особо уязвимой для всякого рода соблазнов как земного, так и мистического свойства.

Вспомним еще раз мудрое предупреждение святителя Игнатия: *"Люди, одаренные по природе талантом, не понимают, для чего им дан талант, и некому объяснить им это. Зло в природе, особливо в человеке, так замаскировано, что болезненное наслаждение и очаровывает юного художника, и он предается лжи, прикрытой личиною истинного, со всею горячностью сердца. Когда уже истощатся силы и души и тела, тогда приходит разочарование, по большей части ощущаемое бессознательно и неопределительно"*³.

В эпоху постмодернизма эти слова звучат особенно злободневно.

При этом одним из важнейших становится соблазн, против которого не могут устоять иные теоретики искусства, - отождествление эстетики с этикою. Эстетически совершенное есть высшее проявление нравственного - таков основной постулат адептов абсолютизации эстетизма. Отождествление этики и эстетики есть не что иное, как отрицание нравственности вообще и одно из проявлений пренебрежения истиною. Истина ведь неудобна многим и по весьма практическим соображениям. Так, один из мэтров постмодернизма В. Сорокин утверждает, что творческая свобода - *"это чисто техническая проблема, а не в коей мере не нравственная. Все, что связано с текстом, с текстуальностью, достойно быть литературой"*⁴. Принцип "все позволено", вообще-то, не нов, источником своим он имеет безбожие, о чем писал Достоевский, и это еще раньше понял тот же маркиз де Сад, проповедник безбожия и разнузданной вседозволенности. Именно Истина стоит на пути возомнившего себя всевластным человека. Удобнее ее не замечать.

Обожествление красоты привлекательно и потому, что художник, сознавая себя творцом новых эстетических ценностей, "новой красоты", начинает тешить собственную гордыню представлением о своем сугубом богоподобии. Конечно, когда Флобер говорил, что художник в своем творении должен быть подобен Богу, он мыслил, скорее всего, метафорически. Но вряд ли было метафорой утверждение Владимира Набокова, что *"искусство божественно, ибо именно благодаря ему человек максимально приближается к Богу, становясь истинным полноправным творцом"*⁵. На деле-то, себя обожествляя, человек отчуждается от Создателя.

Истинное творчество - знает всякий христианин - определяется сочетанием духовного стремления человеческой души к Творцу и излияния Божественной благодати, одухотворяющей творческую потенцию художника. Художественное творчество есть не что иное, как синергия - сотворение, со-действие, со-работничество человека с Богом. Нынешние же "творцы" сознают творческий акт как эманацию лишь собственных эстетических переживаний, как "самоотдачу",

² Литературная газета. 8 ноября. 1989.

³ Богословские труды. №32. С.279.

⁴ Сорокин В. Сб. рассказов. М., 1992. С.126.

⁵ Литературная газета. 5 сентября. 1990.

как самовыражение - без одухотворения их Божественной энергией Создателя мира. И мнят, будто они в том становятся как боги. Что это, как не все та же гордыня первородного греха? И не лукавый ли соблазн несет такое искусство?

Абсолютизация эстетического влечет за собою и абсолютную сосредоточенность на форме художественного произведения, разного рода формальные эксперименты, совершенно безразличные к выражаемому содержанию. Но это есть еще одно проявление все того же раздробленного сознания. Важно и другое: само эстетическое при этом утрачивает внутренние критерии и обесценивается, что ведет часто к утверждению эстетики безобразного. Постмодернизм являет тому многие доказательства.

Возьмем без всякого комментария одно из признаний Пикассо: *"Многие из нас становятся художниками по причинам, имеющим мало общего с искусством, - сказал он, обращаясь к коллегам на своем юбилее в конце жизни. - Люди уже не ищут в искусстве утешения и чего-то высокого. Самая утонченная, состоятельная часть, дистилляторы квинтэссенции требуют нового, оригинального, экстравагантного и скандального. И я, начиная от кубизма и далее, доставлял удовольствие этим господам и критикам всевозможными экстравагантностями, которые мне приходили в голову, и, чем меньше их понимали, тем больше мною поражались, и, чем больше я забавлялся этими играми, всеми этими загадками, ребусами и арабесками, тем больше приходила ко мне слава. А слава для художника - значит распродажа, прибыли, богатство... Я - всего лишь развлекатель публики, который понял свое время"*⁶.

Но гораздо серьезнее то, что Пикассо красоту превратил в труп - это чуть уловил С.Н. Булгаков: *"В творчестве Пикассо выражается религиозная мука и отчаяние, все оно есть вопль ужаса перед миром, как он есть без Бога и вне Бога: пафос тоски и энтузиазм тоски, выражающийся в пафосе цинизма и кощунства. Это - распад души, адская мука. Пикассо, очевидно, сам не видит своей одержимости, не замечает, что ему подставлено кривое зеркало бытия, но считает, что такова и есть подлинная действительность, и пока он своего распада для себя не объективирует, не осознает своей болезни, не познает своей одержимости, ему закрыт путь к исцелению"*⁷.

Статья Булгакова о Пикассо с жестоким названием "Труп красоты" написана в 1915 году, но важнейшая ее мысль может быть отнесена и прямо к искусству конца XX века. Искаженное восприятие тварного мира есть явление по природе религиозное: это отрицание Творца и ужас от ощущения мира без Бога.

Художники, подобные Пикассо, породили глубокий кризис искусства, принимаемый многими за его небывалый расцвет. На деле это лишь результат дешевого снобизма, стремящегося не к Истине, но лишь к муляжам и подделкам. Подлинная причина этого - в понимании искусства как средства получения острых ощущений, даваемых к тому же даром. *"А то, что дается даром, способно развращать"* (С. Булгаков). Да и острота всякого ощущения способна притупляться. То, что прежде волновало и щекотало нервы, приедается. Один из персонажей Чехова, можем вспомнить, выразил этот закон с грубоватой парадоксальностью: *"...человечеству все приелось и надоело... Ему хочется разнообразия... Знаешь, когда купчихе надоедает варенье и пастила, она начинает жрать крупу; так, когда человечеству надоедает дневной свет, нужно угощать его затмением..."*⁸. Однако надоедает же и крупа. Не случайно ведь тот же В. Сорокин смакует во многих опусах пожирание экскрементов, каковому предаются в сладострастном экстазе иные его персонажи.

Нынешние постмодернисты часто подобны той свинье из крыловской басни, которая, придя на барский двор, *"не заметила богатства никакого: все только лишь навоз да сор"*.

Человекам надоедает свет, и они устремляются во тьму. Постмодернизм помогает в том всем желающим.

Мы мало и неистинно осмыслим подобное искусство, если будем сводить его лишь к беспардонному жульничеству. Проблема серьезнее. Важно вот что: искусство, узурпировавшее

⁶ Наш современник. 1988, №5. С.168.

⁷ Булгаков С.Н. Соч. в 2 тт. Т.2. М., 1993. С.543.

⁸ Наш современник. 1988, №5. С.292.

монопольное право на "прогрессивность", не просто приучает человека к подробности мышления, но навязывает ему неумение видеть мир в целокупности. Это совершается медленно, исподволь, незаметно, но верно. Расчленив искусственно неделимое - форму и содержание, как будто они могут существовать обособленно, - приучив себя к этой порочной практике, авангардистское искусство к тому и прочих склоняет, что и дает толчок кдробному восприятию мира вообще, то есть в анатомированном виде. Супрематист, к примеру, может с полным основанием сказать, что в "Троице" преподобного Андрея Рублева все признаки супрематизма уже воплощены в полной мере, и, приученные к супрематическому видению, многие его почитатели окажутся способны усмотреть в иконе лишь совершенные сочетания геометрических фигур и цветовых пятен - не более. Духовное содержание ее окажется при этом полностью недоступным.

Тут возникает замкнутый круг: раздробленное сознание формирует и направляет адекватные ему проявления искусства, те, в свою очередь, все далее рвут и калечат сознание. Изошренность бесовская.

Сказывается отсутствие системного подхода в оценке разного рода идей и конкретных фактов, тогда как в конечном итоге их смысл раскрывается только в общей целостности, в которую они включены. Каким бы привлекательным ни казалось то или иное явление, важно распознать цель, на которую ориентирована включающая его целостная система. Подводит все та же разорванность сознания, дробность мышления. По-русски это называется "за деревьями не видеть леса". Но системное мышление есть лишь частное низшее проявление соборного сознания. И ясно: при утрате религиозного мирозерцания системное мышление неизбежно рвется, становится дискретным. Разорванное сознание есть одно из проявлений безбожного бытия.

Ныне постмодернистский поток, порожденный раздробленным сознанием, устремлен к расчеловечиванию человека.

Ограждением пространства художественной деятельности от этого потока может стать лишь художественно-духовная традиция русского искусства. Однако в сознании устремленного к полной свободе художника (в том-то и дело, что не к свободе, а к своеволию и вседозволенности) гнездится лишь крайнее презрение, если не ненависть ко всякой идее подчинения себя чему-либо. Разрыв с традицией понимается как обретение свободы. Но вот бы над чем задуматься: почему скованные по рукам и ногам жесточайшими требованиями канона художники Древней Руси смогли создать величайшее искусство? Ответ прост: потому что они были внутренне просветлены и оттого свободны в творчестве. А существование канона лишь помогало им.

Разрыв с традициями служит бездуховным целям.

Еще более разрушительно действует страшная в своем агрессивном напоре массовая рок-культура, одна из разновидностей все того же посмодернизма. Ею откровенно превозносится инфернальное начало, прославляется сатана.

Знаменитые рок-идолы 60-70-х годов создали так называемый "сатанинский рок", применяя воздействующие на подсознание идеи, связанные с "культом сатаны". В многократно повторяемых "фразах наоборот" (их можно услышать при обратном прокручивании записи - и они улавливаются подсознанием вполне) внушалось: *"Мне надлежит жить для сатаны"*, *"Начни курить марихуану"*... некоторые фразы, кощунственные и богохульные, цитировать нет желания. Иногда звучат и открытые тексты: *"Я был воспитан демоном, чтобы править, как он. Я господин пустыни, современный железный человек. Я собираю темноту, чтобы доставить себе удовольствие. И я приказываю тебе стать на колени перед богом грома, богом рок-н-ролла"*. Мик Джаггер из группы "Роллинг Стоунз", видя в себе воплощение Люцифера, недаром сочинил песни с красноречивыми названиями: "Симпатия к дьяволу", "Их сатанинским величествам", "Закливание моего брата демона".

Рок-культура становится средством утверждать власть над миллионами душ, отдавших себя в подчинение деспотической воле рок-кумиров, которыми, в свою очередь, управляют темные силы прямых служителей бесов на земле. Так, один из рок-идолов молодежи К. Кинчев однажды прямо признался: *"Куда приведу, ей-Богу, ребята, не знаю. Я не вижу путей и дорог, иду вслепую. Было бы, наверно, проще, если бы я был истинно православным до конца. А я по вере -*

православный, по мироощущению все равно язычник..."⁹ Есть ли откровеннее иллюстрация: слепой поводырь слепых! Есть ли откровеннее демонстрация полной собственной безответственности? Есть ли более откровенное признание бесовской природы (а язычество - проявление демонизма) своей деятельности?

Участники некоторых зарубежных рок-групп выражались яснее: *"Наша музыка способна вызывать эмоциональную неуравновешенность, патологическое поведение и даже бунт и революцию"* ("Битлз"); *"Мы можем дирижировать миром, мы имеем в нашем распоряжении необходимую силу"* (Грэхэм Нэш); *"Рок является источником революции. Наш образ жизни - с наркотиками, с причудливыми одеждами, вседвоящей рок-музыкой - в этом и заключается революция"* (Эбби Хофман).

И поскольку западные культурные ценности уже активно вошли в жизнь русской молодежи, подобные идеи можно рассматривать уже в рамках отечественной культуры.

Именно в рок-культуре особенно активно насаждается эстетика безобразного. Эта эстетика имеет несомненный бесовский характер, ибо она утверждает и насаждает без-образную природу мира, отвергающую богоданный образ бытия.

Цель всего этого - посредством разрушения эстетического вкуса - обесценить не только духовные, но и душевные потребности человека. Рок-культура делает их примитивными, намеревается вообще уничтожить их.

Достаточно взглянуть на слившуюся в единой дергающейся идиотской улыбке толпу, раскачивающуюся с поднятыми руками на любом попсовом шабаше, чтобы тут же усомниться: может ли пошлость быть еще более откровенной и отвратительной?

Постмодернизм активно впитывает в себя все эти особенности массовой культуры.

Все эти проблемы представляются малосущественными, далекими от насущных задач времени лишь тем, кто забыл о единстве всех - больших и малых - проблем в пространстве нашего социального и душевного бытия. Все связано со всем. Внедряя дробное мышление в основу общественной жизни, "прогрессивное" искусство определенным образом содействует развитию ее форм, основанных на таком мышлении. Манера же мышления, тип сознания, склад ума - в конечном результате едва ли не все определяют в жизни человека и общества.

Создается, однако, впечатление, что подобные рассуждения, предупреждения, предостережения мало интересуют нынешних передовых творцов. Ибо приняв такой ход мысли, они вынуждены будут задуматься о последствиях собственной деятельности и о своей ответственности за такие последствия. Все гасится простеньким рассуждением: у искусства нет никакой цели, и оно не может воздействовать на жизнь. Но зачем же "творить" в таком случае? Чтобы самовыразиться и в том самоутвердиться? Чтобы занять себя, убить время? Вот и цель - у кого какая.

"Искусство есть деятельность человеческая, состоящая в том, что один человек сознательно известными внешними знаками передает другим испытываемые им чувства, а другие люди заражаются этими чувствами и переживают их", - Толстой знал, о чем говорил. Верно: стоит человеку соприкоснуться с произведением искусства - и неизбежен отпечаток на состоянии его эмоций и мысли. Художник обязательно заражает людей - необходимо сознать это и не повторять чужие бездумные благоглупости. Раз заражает, то и влияет на жизнь. Но особым образом.

Искусство влияет на жизнь всегда. Какую бы идею ни высказал автор (пусть даже то, что никаких идей нет и быть не может, что истины никогда не существовало, - так ведь это тоже идея, тоже претензия на выражение истины!), идея эта отразится в сознании, при многократном повторении закрепится в нем, а затем скажется и в поступках человека. То есть искусство определяет прежде всего умонастроение человека, его миропонимание и мировидение, а посредством этого воздействует и на реальную действительность. Искусство формирует тип мышления, склад ума - одну из важнейших составляющих личностного начала. Как небольшая сравнительно плоскость руля направляет движение (и тем самым участь) огромного корабля, так и

---

⁹ Аргументы и факты. №15. 1994.

состояние мысли определяет многое в судьбе человека. Эта истина, утвержденная святителем Игнатием (Брянчаниновым), заставляет нас не пренебрегать вниманием к строю наших мыслей, и остерегаться всякого пагубного влияния на них.

Когда формалист расчленяет единство формы и содержания, направляя внимание человека на внешнюю лишь сторону явления, приучая его к тому, он - повторим - способствует дроблению сознания и разбрасыванию мысли. Сознание становится секулярным, ограниченным в своих возможностях, ему по силам становится ухватить лишь частную идею. Для обладателя такого сознания верхом премудрости является релятивизм (границы добра и зла размываются), человек теряется перед многообразием мира, страшится его. А следствием нередко становится разложение личности, торжество темного начала.

Разумеется, все совершается не в одночасье. Процесс этот долгий и глубинный, не всегда заметный на поверхности явлений - и тем он коварнее. И все в конце концов и начале начал находит свой выход и в социально-исторической сфере бытия. От настроения души будет зависеть и образ жизни и качество мира.

Так особенно отчетливой становится проблема ответственности художника. Ему бы задуматься: чем он заражает людей и как это скажется на жизни? Чем "заразит" писатель, смакующий описание пожирания фекалий?

Литература несет в себе особую ответственность, ибо она есть искусство слова. Если посредством слова человек начинает служить злу, то это становится сродни греху хулы на Духа. Святитель Игнатий (Брянчанинов) писал: *"Дар слова несомненно принадлежит к величайшим дарам. Им уподобляется человек Богу, имеющему Свое Слово. Слово человеческое подобно Слову Божию, постоянно пребывает при отце своем и в отце своем - уме, будучи с ним едино и вместе отделяясь от него неотдельно... При основательном взгляде на слово человеческое делается понятна и причина строгого приговора Господня, которым определено и возведено, что человеки дадут отчет в каждом праздном слове. Божественная цель слова в писателях, во всех учителях, а паче в пастырях - наставление и спасение человеков. Какой же страшный ответ дадут те, которые обратили средство назидания и спасения в средство развращения и погубления!"*¹⁰

Грозное пророчество. И не отговориться никому тем, что художественная деятельность далека-де от религиозной проповеди, имеет свои собственные цели.

Ведь когда кто-то говорит, что не нужно проповедовать, он тем самым уже проповедует. Когда писатель утверждает: нам не нужна философия, он уже философствует. Отрицание идеологии - начало новой идеологии. Провозглашающий нежелательность служения Богу служит врагу Божию, сатане. Тот, кто убежден, что не служит никому, а лишь некоей "чистой поэзии" или чему-то подобному, обманывает себя и других. Воздействие на души человеческие всегда объективно есть проповедь добра или зла. Не понимающие этого полагают, будто между добром и злом имеется некая щель, куда можно проскользнуть и устроиться там с комфортом, освободившись от всякой ответственности за что бы то ни было. Но иные-то ясно сознают, кому таким образом служат.

Разорванное сознание породило два процесса секуляризации в культурном пространстве бытия. Первый совершился в эпоху Возрождения (в России, разумеется, позднее), второй разворачивается в XX столетии и переходит в третье тысячелетие.

Процесс ренессансной секуляризации культуры означал разрыв между духовным и душевным. Искусство обозначило это как преимущественное внимание к душевному и телесному. Тем самым оно противостояло христианской ориентации человека в его жизненном пространстве. Недаром антихристианин Ницше с одобрением отмечал это: *"Понимают ли в конце концов, хотят ли понять, чем был ренессанс? Переоценкой христианских ценностей, попыткой, предпринятой со всеми средствами, со всеми инстинктами, со всем гением, доставить победу противоположным ценностям, аристократическим ценностям"*¹¹.

Можно, конечно, гордо именовать подобные "противоположные" ценности аристократическими, но все же: лучше назвать все противоположное Христу делом сатанинским.

¹⁰ Сочинения еп. Игнатия Брянчанинова. Т.3. СПб., 1905. С.118.

¹¹ Ницше Ф. Антихрист. СПб., 1907. С.151.

Ницше, таким образом, обозначил все откровенно. Со временем все лишь усугубилось. Постмодернизм пытается окончательно реабилитировать все извращения - телесные, душевные, духовные. Единство, выраженное в христианской трихотомии - тело, душа, дух, - оказалось окончательно разорвано, раздроблено, разрушено, опорочено, запакковано.

Вспомним суждение преподобного Макария Великого: *"Того и домогался враг, чтобы Адамовым преступлением уязвить и омрачить внутреннего человека, владычественный ум, зрящий Бога. И очи его, когда недоступны им стали небесные блага, прозрели уже до пороков и страстей"*¹².

Постмодернизм это явил слишком откровенно.

В постмодернизме окончательно совершилось то, что было намечено искусством "серебряного века": разрыв между душевным и телесным.

Искусство постмодернизма, знаменующее собою один из тупиков секулярного искусства вообще, все более настойчиво ограничивает себя вниманием к плотским проявлениям жизни. Оно возглашает "освобождение" телесного от душевного.

О какой же свободе печется разорванное безбожное сознание? Только об одной: о свободе греховного тяготения в человеке, не сдерживаемого никакими духовными и даже душевными началами. Не следует обольщаться красивыми словами, должно сознать, что это именно так. Но в безбожном сознании понятия греха не существует. Поэтому такое сознание не в состоянии даже смутно догадываться, на какую беду оно обрекает человека. В пространстве разнузданных страстей человечество обречено на вырождение и гибель.

Постмодернизм вообще стремится реабилитировать разного рода извращения - телесные, душевные, духовные (окультуристские соблазны, например).

То, что к этому хочет привести нас враг, - не диво. Удивительно иное: почему человек не хочет сознавать того? *"От нас требуется осознать, что в земном мире есть именно неискоренимое зло, не способное изменить свою сущность, которое требует от нас сопротивления ему"*¹³, - справедливо сформулировал один из духовных законов нашей жизни М. Назаров. Однако для этого осознания и сопротивления требуется усилие, от которого хочет отвести человека навязываемая ему ныне культура. Культура постмодернизма.

При попытке определить постмодернизм как творческий метод, как направление нетрудно придти к выводу, что его особенностью является полное отсутствие каких бы то ни было эстетических предпочтений, признаков, творческих законов, идейных (не говоря уже об идеологических) стремлений - ровным счетом ни-че-го. Постмодернизм аморфен совершенно.

О. Николаева, книгу которой "Современная культура и Православие" можно назвать самым на сегодняшний день серьезным (ибо религиозным) исследованием культуры постмодернизма, верно отмечает: *"По логике постмодернизма ("после нового"), история искусств как смена стилей закончена. Наступила эпоха метаискусства, метаязыка, способом чтения которого постмодернизм и является. Он в одинаковой мере равнодушен как к традиционализму (искусству, опирающемуся на старые образцы), так и к авангардизму (искусству, устремленному к новым формам) самим по себе, но и тот и другой создают для него единое культурное пространство, лишённое каких-либо приоритетов. В этом пространстве все является лишь материалом для интерпретаций, для словесных, изобразительных "инсталляций" (англ.: "устройство, установка, монтаж, сборка")"*¹⁴.

Поэт Е. Рейн, которого никак не заподозрить в предвзятости, прямо утверждает: *"...постмодернизм - это просто болото. Болото с довольно изысканными чертами. Постмодернизм не имеет разницы в уровнях, это максимальная энтропия, он, собственно, не содержит никакой энергии. Он признает любые комбинации, все имеет одинаковое значение, все цитирует друг друга, все равноценно, равносильно... Лучшим постмодернистом может быть*

¹² Добротолюбие. Т.1. М., 1895. С.159.

¹³ Назаров М. Тайна России. М., 1999. С.637.

¹⁴ Николаева О. Современная культура и Православие. М., 1999. С.20-21.

компьютер. Тогда не нужна человеческая тайна, не нужно то самое главное, для чего существует искусство"¹⁵.

Рейн, заметим, выступил против постмодернизма как поэт, истинно приверженный принципам "серебряного века": коснувшись проблемы назначения искусства, он тут же поспешил утвердить: *"Ведь это все-таки проявление высших сил, может быть, божественных, может быть, демонических, но высших"*. Да именно "серебряные" художники отказывались различать Бога и дьявола. Но демонические силы все-таки - низшие. Именно они проявляют себя в постмодернизме, который можно назвать прямым продолжением "серебряного века".

Постмодернистскую мешанину в единой плоскости можно назвать эклектикой, можно - беспринципностью, а лучше отказаться от побочных определений: постмодернизм, он и есть постмодернизм.

В постмодернизме царит не определенность, но бесконечное: "и - и - и - и - и..." Но это объявляется абсолютным. Нетерпимость ко всякой попытке установления ясных критериев - едва ли не единственный эстетический принцип постмодернизма. Это уже объявлено явным его достоинством. Ибо за этим стоит своего рода идеология.

"Критерии становятся уделом субъективизма: "нравится - не нравится". Оппозиции добра и зла, "хорошего" и "плохого", "художественного" и "бездарного" снимаются; на их месте водворяется новая пара: "интересное - неинтересное". Злое, плохое и бездарное, таким образом, получают шанс состояться в качестве "интересного"!"¹⁶, - делает справедливое наблюдение О. Николаева.

Можно сказать: постмодернистов истина уже не интересует. Новый же критерий (а все-таки критерий!) предназначен для совершенно иной цели, нежели выявление истины: теперь главным смыслом эстетической деятельности окончательно становится эгоцентрическое по природе самоутверждение индивида.

Православная литература есть вся следование *"долгу, завещанному от Бога"*, она вся проникнута сознанием своей ответственности за мир, состраданием к человеку.

Скажем просто: тот, кто рассуждает о литературе как о самоцели для нее же самой, отвергает именно эти две великие духовные ценности нашего земного бытия: ответственность и сострадание. Оно и понятно: то ведь не комплекс приятных эмоций, влекущих потребительское сознание, но тяжесть порою невподъем.

Чувство ответственности, как верно утверждал Иван Ильин - есть *"вернейший признак духовности"*: *"Человек, умеющий трепетно и благоговейно предстоять, сумевший утвердить свое духовное достоинство через жажду священного и познавший радость верного ранга, уже научился чувству ответственности и вступил в сферу религиозного опыта, совершенно независимо от того, принял ли он какой-либо догмат или остался с протянутой и пустой рукой."*

Подобно чувству ранга чувство ответственности принадлежит к первичным, аксиоматическим проявлениям духовности и религиозности. Дух есть творческая энергия, ему естественно вменять себе совершаемое и отвечать за совершённое. Религиозно-предстоящий человек сознает в себе эту духовную энергию и чувствует ее связь с высшим, священным планом бытия. Вступление в этот план, приобщение к нему и его реальностям обостряет в человеке чувство своего недостойнства-достоинства... Приобщаясь к высшему, человек испытывает повышенное чувство ответственности. Именно поэтому религиозность всегда была настоящим источником этого духовного самочувствия, без которого на земле невозможна никакая добродетель, никакая культура и никакая государственность."

Без чувства ответственности невозможен и самый религиозный опыт. Вступая в сферу Божественного, человеку естественно собирать свои силы и относиться критически к своим слабостям, неумениям и неспособностям: он становится благоговеем, а потому осторожен и совестлив, может быть, даже до робости; он боится не увидеть, не постигнуть, стать

¹⁵ Русская мысль. №4143. 3-9 октября 1996. С.13.

¹⁶ Николаева О. Цит. соч. С.26.

помехой, исказить. Он взыскивает с себя, помнит свою малость и величие своего Предмета; и все это выражается в повышенном чувстве ответственности"¹⁷.

Отказ от ответа на большие вопросы - тоже ответ своего рода. И причина такого ответа ясна: безбожие. Безбожный художник уже не боится не увидеть, не постигнуть, стать помехой, исказить. Он, напротив, весьма самонадеян.

Постмодернизм пытается снять за ненадобностью саму проблему ответственности тех, кто наделен творческим даром, - перед Дарителем.

К концу XX столетия в русской культуре постепенно усилился темный творческий напор носителей порочного воображения и извращенного видения мира. Это стало отправным моментом для развития и утверждения эстетических принципов постмодернизма.

У преподобного аввы Дорофея есть такое рассуждение: *"Имею множество опытов, подтверждающих ту истину, что всякий судит о других по своему устройению. Приведу пример. Положим, что кому-либо случилось стоять ночью на каком-либо месте, - и мимо идут три человека. Увидев его, один из них думает: он ждет кого-либо, чтобы пойти и соделать блуд; другой: это должно быть вор; третий: он сговорился с кем-либо из ближайшего дома вместе пойти куда-либо на молитву, - и ждет его. Вот трое видели одного и того же человека, на одном и том же месте, однако ж не одно и то же возымели о нем мнение, но один - одно, другой - другое, третий еще иное, - и очевидно каждый - сообразно со своим душевным состоянием. Как тела черножелчные и худосочные каждую пищу, которую принимают, претворяют в худые соки, хотя бы пища была и полезная, так и душа, имеющая худой нрав, получает вред от всякой вещи, хотя бы встречаемые вещи и хороши были. А имеющий добрый нрав подобен тому, кто имел тело добросочное, при котором он и съест что-либо вредноватое, то оно образует у него в хорошие соки. Так и мы, если имеем добрый нрав, и находимся в хорошем душевном настроении, то можем от каждой вещи получать пользу, хотя бы вещь сия и не была полезна.*

Слышал я о некоем брате, что, когда он приходил к кому-либо из братии и видел келию его не выметенною и не убранною, то говорил себе: блажен сей брат, что отложил заботу о всем земном и так весь ум свой устремил горе, что не находит времени и келию свою привести в порядок. Также если приходил к другому, и видел келию его выметенною и чистою, то опять говорил себе: как чиста душа сего брата, так и келия его чиста, и состояние келии согласно с состоянием души его. И никогда не говорил он ни о ком: сей нерадив, или горд, но по своему доброму настроению всех видел добрыми, и от всех получал пользу. Благий Бог да подаст и нам такое же доброе настроение, чтобы и мы могли получать пользу от каждого и никогда не замечать пороков ближнего"¹⁸.

Скажем еще раз: качество отображения окружающего мира в большой степени зависит от качества видения мира. Принцип целенаправленного отбора и интерпретации отобранного начал использоваться в постмодернизме для утверждения порочного восприятия бытия.

О монахе, келья которого не прибрана, можно сказать: он великий молитвенник, которому нет времени для бытовых хлопот; или: он просто неряха, ленившийся привести в порядок свое жилище. Где правда? В небрежении монаха или в молитвенности монаха? Не о том думаем, если так спрашиваем: то дело монаха. Истина в том, что выбор между двумя вариантами отражает состояние нашей души. Лучше ошибиться в любви. Думать о мире благое - благо нашей души. Очищать душу добрыми мыслями о мире - готовить ее к стяжанию духа мирна. Настраивать себя на грязь - грязнить душу свою. И других грязнить. И стяжать тем дух злобы и вражды.

В литературу пришла целая компания писателей, которые, глядя на человека, непременно подозревают, что он собирается на преступление или на блуд. Критерием при отборе отображаемого материала они признали единственно собственное паскудное¹⁹ видение мира и порочное воображение.

¹⁷ Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта. 1993. С.55.

¹⁸ Добротолюбие. Т.2. М., 1895. С.638-639.

¹⁹ Это слово употреблено здесь не в бранном значении, но как нейтральный термин, наиболее точно обозначающий свойство определяемого явления.

Постмодернисты тщеславны, полны самомнения и банального нахальства. При всем кажущемся многообразии их они тоскливо однообразны в своих мыслях, а точнее, в отсутствии подлинности мысли.

Толстой писал о литераторах такого рода: *"Люди эти, очевидно, убеждены, что так как вся их жизнь сосредоточилась, вследствие их болезненного состояния, на размазывании половых мерзостей, то и вся жизнь мира сосредоточена на том же"*. Впрочем, сто лет спустя эти люди сосредоточились на любых мерзостях телесного существования, даже испытывая удовольствие от своего пристального внимания к извращениям. Тут явный эгоцентризм, доведенный до крайности.

В постмодернизме царит всеразьедающая ирония - все ерничают и выжигают окружающее пространство своею иронией. Высмеять добро, святую красоту, чистоту, вывернуть все наизнанку - кому это нужно? Тому, кто ненавидит Божий мир. И вот находятся люди, именующие себя художниками, которые истово служат этому ненавистнику. Тут цель - истинное сделать смешным. Чтобы, как у собачек Павлова, вызывать определенную реакцию на конкретные раздражители: в качестве раздражителя избрана истина, в качестве нужной реакции - смех.

Скоро уже сто лет минет, как Блок увидел в иронии душевную болезнь времени. Ныне все стало еще безнадежнее. Вспомним еще раз: *"Самые живые, самые чуткие дети нашего века поражены болезнью, незнакомой телесным и духовным врачам. Эта болезнь - сродни душевным недугам и может быть названа "иронией". Ее проявления - приступы изнурительного смеха, который начинается с дьявольски-издевательской, провокаторской улыбки, кончается буйством и кощунством."*

...Мы видим людей, одержимых разлагающим смехом, в котором топят они, как в водке, свою радость и свое отчаяние, себя и близких своих, свое творчество, свою жизнь и, наконец, свою смерть.

Кричите им в уши, трясите их за плечи, называйте им дорогое имя, - ничто не поможет. Перед лицом проклятой иронии - все равно для них: добро и зло, ясное небо и вонючая яма...

Какая же жизнь, какое творчество, какое дело может возникнуть среди людей, больных "иронией", древней болезнью, все более и более заразительной? Сам того не ведая, человек заражается ею; это - как укус упыря; человек сам становится кровопийцей, у него пухнут и наливаются кровью губы, белеет лицо, отрастают клыки".

Цель иронии одна: представить жизнь без-образной. Лишить человека сознания в себе образа Божия. Это есть составная часть той единой задачи, которая решается врагом на протяжении всей истории со времен Адама. Но не будем заглядывать так далеко. Сосредоточим внимание в обозримом временном пространстве.

Еще в 1873 году Владимир Соловьев писал: *"...сущность современного просвещения... состоит в отрицании всякого духовного, нравственного начала и в утверждении одной животной природы. Вся мудрость века сего сводится к очень простому положению: человек есть скот..."*

Правда, нравственное состояние этого народа очень низко, он упал почти до скота; но пока он сохраняет великое понятие о "грехе", пока он знает, что человек не должен быть скотом, до тех пор остается возможность подняться; но когда его убедят, что он по природе своей есть скот, и следовательно, живя скотски, поступает лишь соответственно своей природе, тогда исчезнет всякая возможность возрождения"²⁰.

Сейчас именно это и внушается человеку. Постмодернизм берет на себя немалую долю в решении этой задачи.

Согласимся с О. Николаевой: *"Можно говорить о современной культуре как о культуре, не укорененной в глубинах человеческого духа, не произрастающей в нем, не выращенной в подвиге культурного делания, а являющейся для человека чем-то искусственным, внешним, навязанным и чужим, а главное - намеренно неадекватным. Ее можно квалифицировать как культуру чужеродную и "импортную", привнесенную и пересаженную извне - даже не в том смысле, что ее истоки надо искать в лоне западной цивилизации, а в том, что она перестала быть формой"*

---

²⁰ Соловьев В. "Неподвижно лишь солнце любви...". М., 1990. С.169.

органической деятельности человека, связанной с осмыслением драматизма его бытия в мире. Она перестала быть системой живых идей, формой общественного и национального самосознания и памяти. Она перестала быть формой экзистенциального служения сверхличным ценностям. Но она вскультуривала абсурд, расчистила пространство для темного разгула инстинктов и властной поступи теней, выдающих себя за сущности"²¹.

Ущербность и грех всегда агрессивны - и чаще всего прикрываются как щитом понятием прогресса, утонченности переживаний и т.д.

Людей начинают отучать от понятия стыда (формы того весьма разнообразны: от нудизма-натуризма на телесном уровне, до бессовестности на душевном, и религиозного кощунства на духовном). Но стыд - это то, что отличает человека от животного. Нас приучают жить на скотском уровне. Отвергая понятия стыда, идеологи постмодернистского сознания утверждают естественность греха.

"Дурное подобно зловонному грибу: его найдет и слепой. А доброе подобно Вечному Творцу: оно дается лишь истинному созерцанию, чистому взору, а кто не обладает духовным взором, тот мчится за пестрым миром своих причуд, обманчивых иллюзий, броских химер..."²², - эти слова И.А. Ильина можно бы поставить эпиграфом ко всему искусству постмодернизма.

Постмодернизм открыто проповедует сатанинские ценности.

Когда-то Достоевский дал точную характеристику литераторам-бесенятам своего времени: *"Они были тщеславны до невозможности, но совершенно открыто, как бы тем исполняя обязанность. Иные (хотя и далеко не все) являлись даже пьяные, но как бы сознавая в этом особенную, вчера только открытую красоту. Все они чем-то гордились до странности. На всех лицах было написано, что они сейчас только открыли какой-то чрезвычайно важный секрет. Они бранились, вменяя себе это в честь. Довольно трудно было узнать, что именно они написали; но тут были критики, романисты, драматурги, сатирики, обличители"*.

Не те ли же и ныне переполняют пространство отечественной культуры, найдя в нее удобную лазейку через средства массовой информации, прежде всего через телеэфир?

И видно: они уже не могут сделать ничего доброго, если бы и захотели. Устами ветхозаветного пророка было послано обличительное предупреждение: *"Может ли Ефиоплянин переменить кожу свою и барс - пятна свои? так и вы можете ли делать доброе, привыкнув делать злое?"* (Иер.13:23).

Это не только для давно ушедших времен, но для всех нас.

Порою люди задумываются: неужели дьявол не может вернуться к Богу и быть прощен? Ведь так же ясно, что в том - и благо и необходимость. Но не может. Ибо свобода только в Боге. Сатана настолько отпал от Бога, отпал в вечности, но не во времени, что утратил и свободу прежнюю. Он вне Бога абсолютно и несвободен абсолютно. Он не может вернуться, покаяться.

К тому же и человек устремляется, ввергаясь в рабство греху. Кажется-то, что потакая собственным страстям, человек обретает и большую свободу. Нет, утрачивает свободу. И ничего уже не может сделать, не может победить грех. Ему бы помощи попросить. А он не только веры не имеет, но и на Духа хулу возводит.

На исходе XX века отечественной интеллигенции было дано испытание: бесовские силы подбросили фильм Скорцезе "Последнее искушение Христа". Сколькие бросились отстаивать эту мерзость - и все под прикрытием борьбы за свободу. Иные ведь даже искренне в том свободу усматривали. И в оголтелом экстазе обличали "косных обскурантов", осмелившихся назвать мерзость мерзостью.

К слову, свобода, как и многое, оценивается частью либеральной интеллигенции по двойному стандарту: говорить и творить мерзость можно - в том свобода, но противостоять мерзости нельзя - в том деспотия и нетерпимость.

Все это откровенно проявилось и при организации скандальной выставки "Осторожно, религия!" в Московском общественном центре им. А. Сахарова (январь 2003 г.), досрочно закрытой после многих протестов православного народа.

²¹ Николаева О. Цит. соч. С.101-102.

²² Ильин И.А. Т. 6. Кн.3. С.456.

Собственно, то, что произошло, - для культуры постмодернизма логично, традиционно и даже банально. Неприязнь к Истине и вражда к Ней в постмодернизме определяет все его акции. Постмодернизм протестует и превращает свой протест в самоцель: главное - протестовать. В протесте осуществляется самоутверждение комплексующих индивидов, часто прибывающихся к постмодернизму по причине собственной бесталанности, каковая искусно укрывается за всеми постмодернистскими вывертами. Поскольку ясных критериев таланта и художественного совершенства в постмодернизме нет, то шедевром можно объявить что угодно, ловко используя при том сказочку про голого короля. Когда же все оказывается замешанным на "протесте" против Православия, это придает совершаемому особую пряность и возбуждающе щекочет нервы. Извращенное наслаждение - в таком противопоставлении себя Богу, в желании собственное "я" поставить на место Божие.

Но то было бы еще полбеда, когда бы не укорененная в постмодернистском мировидении порочность мировидения. Эти люди не просто бунтуют, они искренни в своем неприятии Света. Им любезна тьма. Они не хотят и не могут отказаться от нее. И именно такое отношение к бытию они стремятся навязать окружающим.

Все деяния постмодернизма суть осознанные или бессознательные попытки ввергнуть человека в хаос губительной апостасии.